



С. В. НИКОНЕНКО

**К вопросу об идеализме Л. Витгенштейна:
осмысление российской философской критики
1950–1980-х годов**

Мы находимся в ситуации амбивалентного восприятия философии Людвиг Витгенштейна. С одной стороны, есть Витгенштейн в советской (или «марксистской») истории современной философии, в рамках которой он трактуется как позитивист и субъективный идеалист. С другой стороны, есть Витгенштейн в интерпретации российской философии наших дней, когда принято оперировать собственно терминами аналитической философии (такими как «реализм», «антиреализм», «референция» и др.). Наследие ученых советского периода, таких как В. Ф. Асмус, И. С. Нарский, М. С. Козлова, М. А. Киссель, А. С. Богомолов, А. Ф. Грязнов и др., ныне практически забыто. В настоящей статье мы стремимся показать, что, несмотря на идеологическую ангажированность и ложность причисления Витгенштейна к идеалистам, отечественная критика Витгенштейна 1960–1980-х гг. позволила не только «открыть» Витгенштейна российскому читателю, но и обозначить ключевые аспекты его философии языка, подметить основные проблемы и противоречия в творчестве английского мыслителя австрийского происхождения. Поэтому лишь после анализа аргументов советских критиков, на основании которых Витгенштейн был причислен к идеалистам, можно судить об истинности или ложности этого причисления. В первой части статьи мы рассмотрим «раннюю» философию Витгенштейна; во второй же части — «позднюю» философию классика.

Программную точку зрения критики советского периода выразил редактор первого русского перевода «Логико-философского трактата» В. Ф. Асмус, который по праву считался самым крупным логиком и теоретиком науки 1950-х гг. Он пишет: «Философская теория Витгенштейна — субъективный идеализм,

а еще точнее — гносеологический солипсизм с “поправкой”, утверждающей несказанность и невыразимость — средствами языка и логики — не только самого солипсизма, но и всякого вообще философского положения»¹. Можно предположить, что «русский» Витгенштейн 1960-х гг. (а лишь в это десятилетие его творчеством начинают серьезно интересоваться) расценивается как представитель неопозитивизма с ярко выраженной позицией агностицизма, равно как и идеей вынесения предмета логики за пределы предмета философии.

Давайте разберемся, как советские историки буржуазной философии рассматривали неопозитивитскую идею освобождения логики от метафизики. По этому вопросу высказывается В. С. Швырев: «Утверждая, что мир имеет структуру математической логики, логические атомисты постулируют взаимооднозначное соответствие между структурой мира и структурой логики»². Тем самым Витгенштейну приписывается трансцендентальная точка зрения, согласно которой принципы логического языка определяют структуру мира, или бытия. Неслучайно в отечественной философии 1960-х гг. понятия «неопозитивизм» и «логический позитивизм» воспринимаются как синонимы. По мнению Асмуса и Швырева, Витгенштейн учит о том, что только логика способна ответить на такие вопросы, как: Что научно, а что не научно? Что мы можем познать? Каковы факты, которые мы знаем о мире? «Солипсизм» Витгенштейна понимается как лингвистический идеализм, в рамках которого познаваемым оказывается лишь то, что можно обосновать с позиций логического языка. При этом этот солипсизм понимается как нечто измышленное, выведенное в логическом рассудке, после чего навязанное бытию в качестве его «структуры», в качестве «мира фактов». Таким образом, самые первые отечественные интерпретаторы Витгенштейна понимают его философию в тесной общности с учением Дж. С. Милля. Для них факты, о которых ведет речь Витгенштейн, — это логические факты, т. е. не сами события и объекты, а высказывания об этих событиях и объектах, а то и состояния сознания, которые возникают при восприятии этих событий и объектов. Характерно суждение М. С. Козловой, которая считает, что у Витгенштейна налицо

¹ Асмус В. Ф. «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 6.

² Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1996. С. 21.

«подмена широкого гносеологического исследования более узким формально-логическим»³.

Идея сведения философии к логике — общее место позитивизма. И Витгенштейн не оказывается исключением в этом ряду. Не вникая в колебания Витгенштейна по этому поводу, советская критика интерпретирует его как последовательного агностика. М. А. Киссель пишет: «Витгенштейн оспорил и отверг после длительных размышлений саму концепцию теоретического значения философии вообще, всякой философии, а не только метафизики»⁴. Однако на фоне столь безапелляционного суждения некоторые сомнения вносит И. С. Нарский, который вовсе не считает Витгенштейна последовательным сторонником логицизма. Он считает, что Витгенштейн «иногда отрицал необходимость построения антифилософского метода как новой философской теории, но в конце концов оставался в пределах “метафизики языка”»⁵. Схожие интерпретации присутствуют и на Западе. Обратимся к мнению Б. Рассела, который считает, что Витгенштейн преследует целью доказать, что «философская дискуссия есть ошибка»⁶.

Пред тем как доказать, что подобные интерпретации порой лишены всяких оснований и противоречат суждениям самого Витгенштейна, следует отметить, что Витгенштейн дал существенные поводы для такой оценки целым рядом положений, которые могут рассматриваться как непоследовательные. Подлинная заслуга критиков марксистского периода состоит в выделении противоречий и несогласованностей в «Трактате» и других текстах классика, чем эта традиция выгодно отличается от принятой в Англии «апологетической» критики Витгенштейна.

В качестве наиболее слабого места «Трактата», позволяющего трактовать его учение в духе идеализма и антиреализма, берется прежде всего понятие «образ». «Образ есть факт», — пишет Витгенштейн⁷. Тем самым понятие «образ» понимается в духе представления о факте, отражения факта в сознании и языке. К примеру, А. С. Богомолов пишет об этом положении «Тракта-

³ Козлова М. С. Концепция знания в философии Л. Витгенштейна // Современная идеалистическая гносеология. М.: Мысль, 1968. С. 276.

⁴ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы. М.: Мысль, 1974. 146.

⁵ Нарский И. С. Современный позитивизм. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 42.

⁶ Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 15.

⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 2.141.

та»: «Это была концепция соотношения атомарного факта и атомарного предложения как *отображения* факта в предложении»⁸. Нетрудно убедиться, что Богомолов и другие отечественные критики того времени понимают сам вопрос о представлении и отображении предмета в духе ленинской теории отражения, которая, в свою очередь, опирается на трансцендентальную эстетику Канта и учение о представлении Шеллинга и Гегеля. Надо добавить, что Витгенштейн сам дает повод судить так, когда пишет: «Мы создаем для себя образы фактов»⁹. Таким образом, проявляется главное противоречие «Трактата», заключающееся, с одной стороны, в признании того, что истиной является *соответствие* образа с объектом вне нашего сознания и, с другой стороны, в утверждении возможности *замещения* объекта образом в познании. Изменив типичное для неореализма отношение репрезентации на отношение замещения, Витгенштейн сделал шаг в сторону идеализма.

Можно подвести промежуточный итог: мы имеем дело с определенной интерпретацией логической теории языка Витгенштейна, выведенной как на основе некоторых положений его «Трактата», так и на основе идейной общности с воззрениями позитивистов и представителей Венского кружка.

Однако есть и другие положения «Трактата», которые позволяют видеть в лице Витгенштейна представителя реализма, сторонника теории соответствия Мура, Рассела и Уайтхеда. Эти положения советские критики либо не приняли в учет, либо «подогнали» под уже созданную априорную концепцию о Витгенштейне-позитивисте и идеалисте. Следует заметить, что детальная критика положений об идеалистической сущности концепции «Трактата» превысила бы все допустимые пределы журнальной статьи, поэтому ограничимся лишь краткими аргументами.

Для начала следует остановиться на том, что разделы 1 и 2 «Трактата» вообще *не являются логическими*. Они представляют собой *эпистемологический* базис логической теории языка, который берется Витгенштейном из учений Мура и Рассела. Первое положение гласит: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей»¹⁰. Здесь Витгенштейн следует Муру, который в своих

⁸ Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. С. 197.

⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 2.1.

¹⁰ Там же. 1.1.

статьях доказал необходимость «нового» реализма, на основании которого факты будут трактоваться как области мира, независимые от всякого представления, причем не важно, реально сущего или возможного. В этом положении Витгенштейн решительно порывает с кантианскими идеями относительно отождествления фактов с явлениями. На самом деле факты оказываются совершенно «внешними» по отношению к любому представлению, описанию или высказыванию о них. Факт в своем собственном бытии — это словно далекая неизвестная планета, которая есть где-то во вселенной, но мы о ней ничего не знаем. Суть реалистической эпистемологии фактов Витгенштейна вполне муровская и расселианская. При определенном стечении обстоятельств факт может стать предметом представления, высказывания, теоретизирования; но это никак не относится к бытию самого факта. По этому поводу Витгенштейн отмечает: «Заслуга Рассела как раз в том, что он сумел показать, что кажущаяся логическая форма предложения не должна быть его действительной формой»¹¹. Сторонники мнения о Витгенштейне как логическом позитивисте не принимают в расчет того, что скепсис Витгенштейна зачастую касался и самой логики. Можно выразиться так: Витгенштейн не знает языка о фактах, более подходящего, нежели язык логики; но язык логики во многих случаях недостаточен, чтобы высказаться о фактах. Мало того, сам логический язык вовсе субстанционален. «Язык не может изображать то, что само отражается в языке», — пишет Витгенштейн¹², поэтому построение «чистого» языка невозможно. Логический язык только по видимости самодостаточен, на самом деле он базируется на языке фактов.

Когда Витгенштейн утверждает, что «факты в логическом пространстве суть мир»¹³, он совершает не логическое а метафизическое допущение. Мир за пределами возможности высказывания — это уже проблематичное для нас сущее, которое воспринимается не рационально, а мистически («Мистическое не то, как мир есть, но то, что он *есть*»¹⁴ [5, 6.44]). Характерно, что эмпирически ориентированная теория реализма в аналитической философии не воспринимает мир как форму бытия. В английском философском языке сам термин «бытие» отсутствует за ненадобностью. Советские же критики Витгенштейна,

¹¹ Там же. 4.0031.

¹² Там же. 4.121.

¹³ Там же. 1.13.

¹⁴ Там же. 6.44.

которые судят с позиций марксистской и гегелевской философии, стремятся приписать концепции Витгенштейна суждения о «бытии», «идеалистические» положения, «субъективизм» и прочие интерпретации, которые зачастую не имеют смысла ввиду чуждости Витгенштейна проблематике немецкой трансцендентальной философии и, в свою очередь, сознательной причастности философа миру эмпирически ориентированной эпистемологии, которая в суждениях о мире не идет далее анализа фактической реальности.

Желающие приписать Витгенштейна к идеалистам могут добавить: Витгенштейн имеет в виду соединение объектов в нашем уме, в логическом пространстве. Но Витгенштейн нигде этого не утверждает, наоборот, отмечает, что логический анализ устанавливает необходимость независимости объектов от нашего ума. Он пишет: «Если даны все объекты, то этим самым даны и все *возможные* атомарные факты»¹⁵. Речь идет лишь о возможности соответствия (корреспонденции) содержания высказывания и совершенно внешнего факта. «Образ соответствует или не соответствует действительности, он верен или неверен, истинен или ложен»¹⁶, — резюмирует Витгенштейн. Когда Витгенштейн пишет, что «строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом»¹⁷, он ни в коем случае не имеет в виду берклианский психологический солипсизм. Он убежден, что за пределами строгих и фактически обоснованных суждений мы вступаем в область все более туманных предположений, которые либо неискоренимо амбивалентны, либо просто бездоказательны. Поэтому А. С. Богомолов ошибается, приписывая Витгенштейну именно берклианский солипсизм, когда пишет: «Витгенштейн открыто признал солипсизм — это *reductio ad absurdum* философского учения»¹⁸. Он не учитывает того, что в программной эпистемологической статье аналитической философии «Опровержение идеализма» Дж. Мур выступает против принципа «*esse est percipi*» Беркли. Лингвистический «солипсизм» Витгенштейна, тем самым, — это ограничение предмета строгих суждений областью высказываний о фактах, или положений естественных наук. В сущности никакой образ не может быть истинным сам по себе, если он не соответствует

¹⁵ Там же. 2.0124.

¹⁶ Там же. 2.21.

¹⁷ Там же. 5.64.

¹⁸ Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. С. 203.

фактам. «Нет образа, истинного *a priori*»¹⁹, — заключает Витгенштейн.

Далее мы обратимся к интерпретации творчества «позднего» Витгенштейна в отечественной критической литературе. Прежде всего следует отметить, что задолго до перевода на русский язык «поздних» сочинений Витгенштейна М. С. Козлова, А. С. Богомолов, А. Ф. Грязнов и другие исследователи выявили коренные различия между основными принципами философии языка «раннего» и «позднего» периодов творчества классика. При этом, однако, следует быть до конца справедливыми: отечественная критика 1960-х — 1980-х гг. по-прежнему интерпретирует Витгенштейна как идеалиста по своей идейной сущности, сменившего логику на лингвистику. Можно считать почти общепризнанным суждением того времени высказывание А. С. Богомолова о периодах творчества Витгенштейна: «В самом деле, “ранний” и “поздний” Витгенштейн — это один и тот же философ, выдвигающий одну и ту же программу: освобождение от метафизики»²⁰.

Однако, рассматривая отечественную марксистскую критику позднего Витгенштейна, мы не менее последовательны и тверды в своих суждениях. Мы попытаемся доказать, что как в «поздней», так и в «ранней» философии Витгенштейн занимает позицию реализма; следовательно, суждения об идеализме в поздних сочинениях Витгенштейна ошибочны. В этом вопросе мы не согласны и с самым пронизательным и глубоким исследователем творчества Витгенштейна советского периода А. Ф. Грязновым, который уравнивал в своей идеалистической сущности творчество позднего Витгенштейна и «витгенштейнианство». Мы же считаем, что, при всей непоследовательности, Витгенштейн так и не покинул почвы реализма, тогда как витгенштейнианцы (особенно прагматистского лагеря) интерпретировали его философию в духе лингвистического идеализма. Этот вопрос мы обстоятельно доказали ранее и в другом месте²¹.

В «Философских исследованиях» и «О достоверности», как и в «Трактате», Витгенштейн доказывает, что логика, несмотря на наличие законов, качественно отличных от законов природы, зависит от фактов. Логика и язык оперируют с высказывания-

¹⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 2.225.

²⁰ Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. С. 260.

²¹ См.: Никоненко С. В. Реальность, символы и анализ. Философия по ту сторону постмодернизма. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.

ми о ментальных и физических событиях, в большинстве своем независимых от сознания. Неслучайно Витгенштейн столь внимательно относится к основной неореалистической проблеме — проблеме *доказательства* существования внешнего мира. «Коли ты знаешь, что вот это рука, то это потянет за собой и все прочее», — пишет Витгенштейн²². Он пытается доказать, что вера Мура, когда он показывал на лекции свою левую руку и говорил: «Вот незыблемое доказательство существования предметов вне нашего сознания», — не просто вера и непосредственное убеждение. Опирируя с этой проблемой, Витгенштейн не ставит под сомнение существование левой руки вне сознания; он пытается установить процедуру приписывания предиката «достоверное» этому положению. Непосредственность лингвистического закрепления эмпирической уверенности подчеркивает М. С. Козлова, которая пишет: «Строго говоря, это невыполнимая задача: *поведать* о том, что, по убеждению самого Витгенштейна, может быть лишь сделано и *продемонстрировано показом, сказыванию* же (оформлению в теорию) не поддается»²³. В сущности отечественные мыслители советского периода подвергают критике позднюю философию обыденного языка за отсутствие, прежде всего, теоретической внятности и четко сформулированных оснований. Как пишет М. А. Киссель, «памятуя о метафизических заблуждениях молодости, Витгенштейн вообще старается избежать какой-либо систематической теории языка, всякого вообще отвлеченного теоретизирования»²⁴. В самом деле, как показал В. П. Руднев, издавая перевод «Винни-Пуха» А. Милна²⁵, поздний Витгенштейн ищет критерии достоверности в самой языковой игре, в ее непосредственном функционировании. Поэтому, когда Г. Бейкер и П. М. С. Хакер предложили термин «лингвистический идеализм» для обозначения направления философского развития позднего Витгенштейна, они в целом справедливо отмечали, что фактические критерии в философии Витгенштейна постепенно заменяются критериями лингвистическими. Следовательно, реализм позднего Витгенштейна уже существенно «размыт», приобретает все более «слабую» форму.

²² Витгенштейн Л. О достоверности. 1 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

²³ Козлова М. С. Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвига Витгенштейна. М.: ИФРАН, 1996. С. 5.

²⁴ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы. М.: Мысль, 1974. С. 149.

²⁵ См.: Винни-Пух и философия обыденного языка / Под ред. В. П. Руднева. М.: Аграф, 2000.

Расхождения позднего Витгенштейна с его же концепцией «Трактата» становятся яснее, если учитывать полемику с эпистемологией Мура, которая разворачивается прямо на страницах работы «О достоверности» и косвенно во всех остальных трудах.

Витгенштейн полагает, что мы видим мир и интерпретируем факты *сквозь призму языка*, что язык учит нас видеть вещи определенным способом, который усваивается и затем «непроизвольно» употребляется в различных ситуациях. Когда Витгенштейн спорил с Муром о том, что такое дерево в саду Кембриджского университета, они пришли к диаметрально противоположным выводам. Обозначим эти выводы:

1. *Мур*: Я вижу объект, который совершенно точно существует. На моем языке я могу назвать его «дерево». Его можно было бы назвать и по-другому. От этого ведь дерево не перестало быть тем же самым деревом. Поэтому, слово, с его образными и неточными значениями философ использует как понятие, наделяя его одним значением по принципу точности описания объекта.

2. *Витгенштейн*: Прежде всего, я вижу дерево, которое воспринимается мною, как нечто, которое я научился называть словом «дерево». Если я скажу про дерево «Это коза», меня не поймут. Причина тут не в том, что объект под названием «дерево» не похож на объект под названием «коза». Дело в том, что значение слова «дерево» зафиксировано так, что неприложимо к козам. При этом, разумеется, вовсе не обязательно существование самого дерева.

В споре о дереве Мур и Витгенштейн говорят на разных языках, поскольку не питающий лингвистических иллюзий реалист Мур видит в языке только подсобное средство познания, вторичное по отношению к самому познанию. Витгенштейн же, допуская экзистенциальную трактовку языка, видит в «дерево» некий неэлиминируемый символ, разрушение которого повлечет за собой разрушение самобытности этого языка. Корень дружбы-вражды Мура и Витгенштейна заключается, на наш взгляд, в признании Витгенштейном идеалистического (антиреалистического) положения о тождестве знания и уверенности.

Характерно, что в отечественной критике советского периода утвердилось убеждение в том, что позиции Мура и Витгенштейна не являются противоположными; на самом деле, как утверждает Мур ранее, нежели Витгенштейн, обращается к анализу обыденного языка. Так считает А. С. Богомолов, который пишет: «Мур говорит <...> об анализе *понятий*, однако уже то, что он вынужден говорить об их различном словесном выражении,

приводит его к необходимости «анализа языка»²⁶. Гораздо сильнее сближает позиции Мура и Витгенштейна А. Ф. Грязнов. «“Майевтика” Мура заключается в умении с помощью лингвистического анализа слов и словосочетаний подвести читателя к состоянию, когда у него зарождается понимание той или иной проблемной ситуации... В отличие от Рассела он ищет ясность в самом повседневном языке, а не обращается к глубинному формально-логическому анализу языка», — полагает он²⁷. На наш взгляд, подобные суждения не являются верными. Дело в том, что Мур нигде не учит об анализе обыденного словоупотребления. Он учит об анализе обыденных ситуаций восприятия, т. е. не покидает эпистемологической области, рассуждений о точке зрения «здорового смысла». Если коснуться знаменитого примера с «уткозайцем», то Мур, в отличие от Витгенштейна, будет видеть прежде всего криволинейную фигуру неправильных очертаний, которая остается всегда одной и той же, независимо от того, как она будет наименована.

Обучение словоупотреблению в языковой игре, по мнению Витгенштейна, может и не требовать фактической референции. Он пишет: «Разве тот, кто по команде “плита!” действует соответствующим образом, не понимает этой команды? — Да, конечно, указательное обучение помогает пониманию, но только в сочетании с определенной тренировкой»²⁸. Как показал У. В. О. Куйн, для взаимопонимания по поводу значения слова требуется не фактический коррелят, а готовность сочетать с этим словом схожие ассоциации, поступки и действия. Результат «уверенности» далеко не всегда совпадает с данными логического анализа. Допустим, мы просим: «Принесите мне швабру. Она там, в углу». Если детально проанализировать суждение, то получится следующее: в этой части пространства комнаты находится объект в виде щетки, в которую воткнута палка. Если мы спросим: «Принесите мне палку и щетку, в которую она воткнута», то можем получить в ответ: «Ты просишь швабру?». Этот пример показывает, что в повседневной ситуации данные анализа, несмотря на точность, *избыточны*. В этой ситуации было бы достаточным положиться на то, что собеседник, вероятно, знает, что такое швабра и как

²⁶ Богомолов А. С. *Философия англо-американского неореализма*. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 17.

²⁷ Грязнов А. Ф., Коновалова Л. В. *У истоков метаэтики // Мур Дж. Природа моральной философии*. М.: Республика, 1999. С. 7.

²⁸ Витгенштейн Л. *Философские исследования*. 6 // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. 1. / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

это слово употребляется в языке. Таким образом, в данной ситуации «более проанализированная» форма («палка, в которую воткнута щетка») оказывается менее совершенной, чем «менее проанализированная» форма («швабра»). Вывод Витгенштейна состоит в том, что во многих ситуациях вообще не надо анализировать далее определенного предела. Не существует бесконечной верификации, и не существует закона, согласно которому «более проанализированная» форма более фундаментальна, чем «менее проанализированная».

Витгенштейн считает, что логические аналитики ошибаются, стремясь как можно точнее определить значение слова. На самом деле это не только понятие, релятивное по отношению к каждой языковой игре. Существуют случаи, когда *значение отсутствует совсем*, если понимать под значением «соотнесение с предметом». Приводя примеры таких языковых случаев, Витгенштейн пишет: «Воды! Прочь! Ой! На помощь! Прекрасно! Нет! Неужели ты все еще склонен называть эти слова “наименованиями” предметов?»²⁹.

Сохраняя в поздней философии идею языка как средства описания, Витгенштейн совершенно меняет значение самого термина «описание». Описание уже не понимается как ситуация соответствия высказывания фактам. Описание становится автономным; оно лишается каких-либо редуктивных свойств. Когда Витгенштейн предлагает перейти от объяснения к «простому описанию», он устанавливает принцип независимости языка от всего, что не является языком. Например, мы говорим, что Наполеон был императором Франции. Почему мы в этом уверены? Потому что это можно узнать, выяснить и удостовериться. Смысл тезиса Витгенштейна сводится к тому, что нам не нужно идти дальше. Следует двигаться не к недоступной платоновской идее и не к расселовскому точному описанию. Необходимо остановиться на том, что просто и достоверно. По Витгенштейну, если дверь закреплена на петлях, то я знаю это и могу ответить, откуда я это знаю, что не включает в себя ни вопрос о природе знания самого по себе, ни вопрос о соответствии содержания высказывания фактам.

Таким образом, мы видим, как «непоколебимая убежденность» превращается в классический принцип привычки Юма, с одним важным отличием. Если Юм полагал, что постоянно повторяющиеся одинаковые впечатления порождают в мозгу привычку ожидать эти события, то Витгенштейн полагает, что

²⁹ Там же. 27.

постоянное употребление слова, особенно слова с устоявшимся значением, заставляет нас связать его употребление с деревом, формируя не эмпирическую, а *лингвистическую* привычку. Фразу «Я непоколебимо убежден» в духе такой интерпретации можно понимать так: «Я привык, что я и окружающие относят слово “дерево” к определенным объектам». Таким образом, слово и объект связаны на основании устойчивой лингвистической привычки, сформулированной и закрепленной в собственном языке. Сама объективность, тем самым, зависит от языка и задается им. «Истины, о коих Мур говорит, что он их знает, вообще говоря, таковы, что если их знает он, то и мы все их знаем»³⁰.

В целом в отечественной критике поздний Витгенштейн также рассматривается как позитивист, который стремится отбросить философию. М. С. Козлова пишет: «Витгенштейн вообще отказался от такого орудия, как философское обобщение»³¹. М. А. Кисель, в свою очередь, отмечает, что «поздний» Витгенштейн стал рассматривать концепцию позитивного знания как некий вариант психоаналитической терапии для врачевания «метафизической болезни». Тем самым позитивизм Витгенштейна, по мнению марксистской критики, приобрел «лингвистическое» лицо, но не изменил своей субъективно-идеалистической сущности. К тому же концепция позднего Витгенштейна берется в виде некоего теоретического итога; бесконечная же пытливость Витгенштейна, склонность к скепсису и вопрошанию трактуется как непоследовательность и путаность мысли.

«“Эмпирическое предложение поддается проверке” (говорим мы). Но как, с помощью чего?»³². Дал ли ответ Витгенштейн на этот вопрос? Даже если допустить, что ответ дан, то он присутствует в открытой и проблематичной форме. Практика жизни, на которую так любят ссылаться лингвистические идеалисты и другие сторонники современного релятивизма, доказывает, что бытие вещей и убежденность в наличии относительно незыблемых законов реальности может быть мостом, на котором налаживается коммуникация самых разных языков. Витгенштейн, на наш взгляд, совершил ошибку, оторвав знак от объекта, только на том основании, что ошибочно отождествление знака

³⁰ *Витгенштейн Л.* О достоверности. 100 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

³¹ *Козлова М. С.* Концепция знания в философии Л. Витгенштейна // Современная идеалистическая гносеология. М.: Мысль, 1968. С. 290.

³² *Витгенштейн Л.* О достоверности. 109 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

и объекта. Имея свои законы, и прежде всего символический характер, язык тем не менее может быть холистической системой только в формальном, но не в содержательном аспекте. Позитивным содержанием нашей критики лингвистического идеализма является доказательство возможности выхода любого языка к реальному миру и, следовательно, опровержения тезиса «только язык». В философской критике Витгенштейна советского периода подобная тенденция эволюции витгенштейнианства была выявлена и подвергнута критике. Однако лейтмотив этой критики оставляет нас в состоянии неудовлетворенности. Положения немецкой классической и марксистской философии, на которую опирались советские историки философии, оказались трудно совместимыми с аналитическими основаниями философии языка Витгенштейна. Можно критиковать непоследовательный реализм Витгенштейна, но нельзя доказать, что он был субъективным идеалистом.

